

понял почему» [8]. Сам же автор противоречит этому правилу и дает пояснение иностранным словам в тексте, что является хорошей возможностью максимально приблизить итальянского читателя к пониманию художественного произведения.

Перевод романа А. С. Пушкина в исполнении Фернандо Габбриелли выполнен под знаком «не предать» (согласно итальянской поговорке «переводчик – предатель»). Однако сам автор не исключает возможных неточностей, заявляя, что человек «в этом мире никогда ничем не будет доволен полностью» [8]. Безусловным остается факт наличия погрешностей перевода, но бесспорна и масштабность работы, проделанной Фернандо Габбриелли.

Фернандо Габбриелли открывает вступительную статью вопросом, волнующим не только самого автора перевода романа и исследователя пушкинского творчества, но и читателя: «Для чего нужна новая версия «Онегина», спустя тридцать лет после поэтического перевода Джованни Джудичи и спустя двадцать лет после прозаического перевода Эридано Баццарелли?» [8]. Справедливо отмечено Н. А. Тик, что «процесс проникновения «Евгения Онегина» в итальянскую литературу и культуру – процесс сложный, противоречивый, не прекращающийся до сих пор» [6, с. 29].

Таким образом, проблема «постижения и переводимости» [4, с. 323] А. С. Пушкина открывает новые направления исследований, а перевод романа в исполнении Фернандо Габбриелли является их неотъемлемой материальной частью.

Литература

1. Алексеев, М. П. Пушкин и мировая литература / М. П. Алексеев // Разноязычный «Евгений Онегин» / М. П. Алексеев. – Л. : Наука, 1987. – С. 351–361.
2. Левин, Ю. Д. Проблема переводной множественности / Ю. Д. Левин // Литература и перевод: проблемы теории / Ю. Д. Левин. – М. : Прогресс, 1992. – С. 213–223
3. Нейштадт, В. И. Пушкин в мировой литературе / В. И. Нейштадт // Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина 1837–1937 : тр. Пушкинской сес. Акад. наук СССР / отв. ред. акад. А. М. Деборин – М. : Академия наук СССР, 1938. – С. 229–280.
4. Непомнящий, В. С. Пушкин. Русская картина мира / В. С. Непомнящий. – М. : Книж. клуб Книгоvek, 2019. – 688 с.
5. Тик, Н. А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в переводах Э. Ло Гатто / Н. А. Тик // Вестн. Томс. гос. ун-та. – 2019. – № 441. – С. 62–67.
6. Тик, Н. А. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской рецепции: к постановке проблемы / Н. А. Тик // Вестн. Томс. гос. ун-та. – 2015. – № 396. – С. 27–31.
7. Чуковский, К. И. Собрание сочинений : в 15 т. / сост.: Е. Чуковской, П. Крючкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – Т. 3 : Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей. – 640 с.
8. Gabbrielli, F. Aleksandr Pushkin «Eugenio Onegin» [Electronic resource] / F. Gabbrielli // Docsity. – Mode of access: <https://www.docsity.com/it/aleksandr-pushkin-eugenio-onegin/-598699/>. – Date of access: 06.10.2020.
9. Gabbrielli, F. Tradisci o traduci [Electronic resource] / F. Gabbrielli // Compagnosegreto – Mode of access: <https://www.compagnosegreto.it/NUMERO8/matta2.htm>. – Date of access: 06.10.2020.

Н. Л. Сержант (Беларусь)

ДОСТОЕВСКИЙ И ПОКОЛЕНИЕ БИТ В ПОСЛЕВОЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ

Одним из важных разделов компаративистики является исследование взаимодействия разных национальных литератур не только на уровне сопос-

тавления текстов и творчества писателей, но и в аспекте влияния отдельных авторов на целую литературную эпоху, литературные тенденции и школы. Так, очевидно и несомненно знаковым явлением для культуры конца XIX – начала XX века стали сочинения и личность Л. Толстого, осветившего светом своих идей гуманистическую направленность европейской литературы. Знакомство американской культуры и литературы с наследием великих русских состоялось позже, и в большей степени связано с открытием идей и образа мышления героев Ф. Достоевского.

Огромное влияние творчества Ф. Достоевского стало ощутимо в послевоенной литературе США 40–60-х годов XX века¹. Интересно отметить, что «трудные» стороны творчества Достоевского, которые в 1920-е годы отглаголивали американцев как чуждые национальному характеру и традициям американского общества, в 1940-е годы стали привлекательными для поколения бит. Это объясняется тем, что битники изначально ориентировались на поиск и создание новой системы ценностей, радикальным образом отличавшейся от существовавшей в американском обществе.

Поколение писателей литературы бит (Дж. Керуак, Дж. Холмс, У. Берроуз, поэты А. Гинзберг, Л. Ферлингетти, Г. Корсо и др.) первое заинтересовалось мыслью Достоевского о том, что в страдании есть идея, мыслью, которая была, наверное, самой чуждой для американского сознания. Страдание является условием обретения блаженства (*beautitude*), ставшего целью поисков молодых людей поколения бит. Исследователь Г. Стивенсон называет процесс прохождения человека через деструктивный опыт к обретению внутреннего знания, духовного просветления – «*thebeat-beatific*» (побитый-блаженный) [6, р. 43]. Эти координаты духовного пути человека от «разбитости», разочарования к блаженству и духовному знанию определяют смысл путешествия главных героев романа Дж. Керуака «На дороге». Параллелизм темы духовных странствий в творчестве Керуака с темой воскрешения павшего человека у Достоевского обнаруживается при сравнительном анализе произведений авторов. О необходимости страдания писал Дж. Керуак и в своих письмах: «Я еще не начинал жить и писать. Единственное, что меня беспокоит, – это неизбежная Сибирь, которую я должен пройти, как Достоевский, которая заставит меня повзрослеть» [5, р. 125].

Кроме того, и христианская проповедь Достоевского, которую еще Р. Блэкмур называл «примитивным христианством», была услышана поколением бит и нашла отражение в творчестве Дж. Керуака и Дж. Холмса. Вопрос о новых ценностях стал одним из главных для новой молодёжной культуры. Духовные поиски, смещение акцентов с материального на духовное объясняют, почему Достоевский становится писателем, близким этому поколению американских прозаиков, и почему образ разбитого поколения в послевоенном романе США так успешно коррелирует с образом героя Достоевского.

Важно отметить, что общая установка писателей бит, в том числе и Дж. Керуака, на демократизацию искусства, их неприятие всякой элитарности привели к «демократизации» и Достоевского, который становится героем и участником жизни бит, частью мифа о бит, частью новой молодежной контркультуры. Этот процесс демократизации был одновременно и процессом американизации Достоевского, включением духовного опыта русского писа-

¹ Этому вопросу посвящены многочисленные исследования И. В. Львовой, автора докторской диссертации «Ф. М. Достоевский и американский роман 1940–19600-х годов».

теля в духовную историю страны. Во многом благодаря поколению бит «американский Достоевский» начинает новую жизнь в иной культурной среде, на иной почве. Он не только перестает быть чуждым американцам, а входит в американскую культуру, в том числе и массовую. Культура Бит формирует совершенно новое отношение к писателю. «Приручение» Достоевского шло и через его осмеяние. Поэтому возможными становятся пародии на Достоевского, литературная игра с мотивами, сюжетами его произведений, осмеяние его героев [1].

В годы маккартизма и холодной войны интерес к русскому писателю был своеобразным вызовом американскому обществу. Достоевский был прочитан молодым поколением как писатель неконформистский. Интересно отметить, что русское и русские зачастую виделись через призму романов Достоевского, ассоциировались с его героями. Так, братьев Орловских, принадлежавших поколению бит, друзья нередко сравнивали с героями Достоевского, А. Гинзберг называл их «карамазовские ангелы». Дж. Керуак пишет о Питере Орловском как о потомке «безумных Ипполитов и Кирилловых Достоевского из царской России XIX века – он даже выглядит похожим на них» [4, р. 146]. Сама ситуация в обществе и вызываемое ею ощущение углубляющегося кризиса западной культуры и цивилизации не могли не восприниматься молодыми людьми как ситуация, сходная с эпохой Достоевского. Уже в первой работе Дж. Холмса, посвященной поколению бит, появляется имя Достоевского. Холмс сравнивает молодое поколение в России конца XIX столетия, которое описал Достоевский, и послевоенное поколение молодых американцев. Он находит у них общие черты, а следовательно, возможности для сопоставления: «Достоевский в 1880-х годах писал, что в России сейчас не говорят ни о чем ином, как о вечных вопросах. С некоторой поправкой на время можно сказать, что нечто подобное происходит в Америке. Через тридцать лет поколение, о котором писал Достоевский, стало на чердаках готовить бомбы. Нынешнее поколение, может, и не будет изготавливать бомбы, его скорее всего попросят сбросить их, однако этот факт надо всегда иметь в виду» [2].

Можно назвать и другие особенности восприятия творчества Достоевского в США в 40–60-е годы. Так, в этот период впервые американские литературоведы и писатели обращают внимание на инфантильность героев Достоевского. Их незрелость отмечает Р. Блэкмур в эссе о Достоевском: «Когда мы читаем книгу Ивана, у нас складывается странное чувство, что грех Ивана, или Смердякова, или других – это не грехи взрослых, а детские грехи. Подумайте о них и вспомните Лизу и ее прищемленный палец. Наверное, в природе греха – быть ребячливым, быть может, поэтому многие из нас не хотят взрослеть, мы цепляемся за грех, как за единственное, что принадлежит нам» [3]. Среди писателей мысль об инфантильности героев Достоевского откровеннее всего высказал поэт и переводчик К. Рексрот в статье «Достоевский: »Братья Карамазовы«»: «Потряженные души романов Достоевского – это не взрослые люди. Они бесконечно рассуждают о том, о чем взрослые предпочитают не говорить. Достоевский – первый писатель, сделавший художественной добродетелью несправимую незрелость своего народа» [3].

Таким образом, к 40–60-м годам XX века в литературе США формируется новый тип романа, проблематика и образ которого близки романам Достоевского. Это роман о герое, молодом человеке/подростке, в котором этот образ рассматривается как символ положения современного человека в мире. Поэтике этого романа так же характерны черты поэтики Достоевского: символизм, философская проблематика и связанная с нею философская символика. Действ-

вие развивается от бунта героя, метафизического, социального, через срыв к обретению нового духовного знания. Герой романа часто фигура противоречивая, он часто вбирает черты антигероя. Главная цель его – поиски собственной идентичности, обретение своего «я». Это герой-аутсайдер, поэтому для романа характерны мотивы бегства, одиночества, отчуждения. Это неконформист, художник, не приемлющий современное общество. Он является и героической в своем будущем фигурой, и комической одновременно. Использование гротеска, смешение комического и трагического является одним из важных приемов, используемых в данном типе романа. Что касается содержания, то наличие нравственного центра в произведении представляется отличительной чертой романа подобного типа этого периода. В той или иной мере это присуще романам не только битников, Дж. Керуака, Д. Холмса, но и произведениям Дж. Сэлинджера, К. Маккаллера, Дж. Гарднера и других представителей американской литературы 40–60-х годов XX века.

Послевоенный американский роман – преимущественно роман философский, насыщенный нравственными проблемами. В этой связи совершенно закономерно обращение американских писателей к русской литературе, которую отличает захваченность поисками высших духовных смыслов. Знаменательной особенностью послевоенного американского романа стал усиливающийся интерес к религиозным исканиям. Американский роман 40-60-х годов имеет неконформистскую направленность, поэтому существенной становится для него тема бунта, которая объединяет романы таких разных авторов, как Дж. Сэлинджер и Дж. Керуак, Д. Холмс и К. Маккаллерс.

Герой битник/бунтарь/беглец или близкий к нему по мировоззрению, становится главным действующим лицом романов благодаря своей способности к правдивому видению, с его неукорененностью в социуме, что позволяет ему исследовать мир, находясь в постоянном движении. Этот герой воплотил в себе черты человека переходной эпохи, каким явилось послевоенное время. Главные его черты – неустойчивость, незавершенность, это герой эпохи рубежа, где сходятся крайности, где все находится в движении, становлении. Пластичность человека, «разорванность» его сознания литература нового времени изучает, начиная с просветительства Дидро. Американский роман 40–60-х годов XX века продолжает эту традицию, которую воспринял во многом через русскую литературу, и в частности – через творчество Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Львова, И. В. Достоевский или Достиоффски? Смысл словесной игры с именем Достоевского в литературе Бит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/-144220/>. – Дата доступа: 19.10.2020.
2. Львова, И. В. Ф. М. Достоевский в восприятии поколения Бит (к проблеме рецепции творчества писателя в США) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-d>. – Дата доступа: 19.10.2020.
3. Львова, И. В. «Битнический миф» о Достоевском // Достоевский: Материалы и исследования. – № 19. – 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libmonster.net/-search.html>. – Дата доступа: 19.10.2020.
4. Kerouac, J. *Desolation Angeles* / J. Kerouac. New York, 1979. – P. 146
5. Kerouac, J. *Selected Letters. 1940-1956* / J. Kerouac. – Ed. A Charters. New York, 1995. – P.125
6. Stephenson, G. *The Daybreak Boys: Essays on the Literature of the Beat Generation* / G. Stephenson. – Southern Illinois University Press, 1990. – P. 43.